

Вл. Малягин

**ЕСЕНИН.
ПОСЛЕДНИЕ
ВСТРЕЧИ**

**Драма в 2 действиях
М., 2005**

Действуют

- Сергей Александрович Есенин
- Шура Есенина, его младшая сестра
- Федор Петрович Бессонов, профессор клиники

- Юлия, медицинская сестра
- Каретникова Софья Павловна, соседка палатами
- Анатолий Мариенгоф, поэт-имажинист
- Анна Никритина, актриса, его жена
- Марья Ивановна Иванова, следователь
- Иван Евдокимов, редактор Есенина по Госиздату
- Анна Романовна Изряднова, первая жена Есенина
- Алексей Ганин, поэт

Действие происходит в декабре 1925 года

Действие первое

Картина первая

Декабрь 1925 года. Москва,
клиника нервных болезней
профессора Ганнушкина на
Большой Пироговке. Светлая
просторная палата с большим
окном. В палате – диван,
письменный стол, двери в темный
коридор, в ванную. Из ванной
слышны шум льющейся воды и
песня. Дверь в коридор открыта все
время.

Голос. I. Позабыт, позаброшен.

С молодых юных лет

Остался я сиротою

Счастья-доли мне нет.

Остался я сиротою

Счастья-доли мне нет.

1. II. Вот умру я, умру я,

Похоронят меня.

И никто не узнает,

Где могилка моя...

И никто не узнает,

Где могилка моя...

III. И никто на могилку

На мою не придет.

Только ранней весной

Соловей запоет.

Только ранней весной...

Входит медсестра. В руках у нее – блюдо с таблетками и стаканом воды.

Медсестра. Сергей Александрович!

Голос в ванной смолкает.

Сергей Александрович!

Голос. Кто там?

Медсестра. Это я, Юлия, медсестра!

Голос. Ну что, Юля, что?..

Юлия. Таблетки пить, Сергей Александрович!

Голос. Оставьте их на столе!

Юлия. Ну вы же знаете!.. Ну нельзя же!.. Надо при мне!..

Голос. Ну хорошо, сейчас!..

Юлия подходит к столу, начинает рассматривать лежащие на нем бумаги, перебирает листки.

Открывается дверь. Из ванной выходит Есенин. Он в халате, вытирает мокрую голову полотенцем.

Есенин. А это еще что?.. Вам кто позволил рыться в бумагах?

Юлия. Не сердитесь, пожалуйста! Просто я люблю смотреть, как вы пишете. Я когда подругам рассказываю – они не верят... Сам Есенин, знаменитый поэт, а я ему таблетки ношу!..

Есенин. А на столе рыться не надо. Затеряете какой-нибудь листочек... Давайте лекарство.

Она подносит ему блюдце. Он собирает в горсть таблетки, поморщившись, отправляет их в рот, запивает водой.

Ох и дрянь, должно быть!..

Юлия. И никакая не дрянь! Профессор плохого не даст. Посмотрите, как вы поправились,

похорошели...

Есенин. Так, у вас всё, Юлия?

Юлия. Сергей Александрович. вы что-то новое написали? Ну пожалуйста, прочтите!..

Есенин. Вечером придете в вестибюль – там и услышите.

Юлия. Правда? Будете читать?..

Есенин. Куда же от вас денешься? По многочисленным просьбам... Вон, даже голову помыл!..

Юлия. Какая нечаянная радость!.. Пойду, всем девочкам скажу!.. Ой, чуть не забыла. Вам записка...

Достает из кармашка записку,
подает ему.

Так я пойду... (Идет к двери.)

Есенин. Идите, идите...

Читает записку, смотрит вслед Юлии, снова в записку.

(Кричит.) Юлия!..

Она уже почти дошла до двери. Услышав, вздрагивает, оборачивается к Есенину.

Юлия. Как вы кричите... Что с вами?..

Есенин. Идите сюда!.. Где вы это взяли?

Юлия. Что случилось, Сергей

Александрович?..

Есенин. Где вы взяли это?.. Кто вам дал?..

Юлия. Мужчина, на улице, когда я входила...

Есенин. Какой?.. Как он выглядел?..

Юлия. Да ничего особенного!.. Мужчина как мужчина... Лет тридцати, наверное...

Есенин. Какой из себя? Лицо какое?..

Юлия. Да просто... Простое русское лицо... Скуластый такой... Бледный очень - вот это я запомнила... Я еще подумала: наверное, больной...

Есенин. Скуластый... Русское

лицо...

Юлия. Да что случилось-то, Сергей Александрович?..

Есенин. А ну-ка, прочтите вы, что здесь написано...

Она берет записку, рассматривает.

Юлия. Какой почерк странный...
Как курица лапой...

Есенин. Читайте!

Юлия(читает). «Я должен
обязательно видеть тебя. А. Ганин.»

Пауза

Есенин подходит к столу, садится; сидит, обхватив голову руками.

Сергей Александрович, ну объясните же, в чем дело!.. Это ваш враг? Вы не хотите его видеть?

Есенин. Это мой друг, Хороший друг, верный...

Юлия. Так что? Вы поссорились? Тогда мы его к вам не пустим!

Есенин. Мы не ссорились. Скоро год, как его нет в живых...

Пауза

Юлия. Фу, как вы меня напугали!..
Я уж думала, что-то серьезное!..

Есенин молчит

Да что вы, в самом деле!.. Ясно же:
чья-то глупая шутка!...

Есенин. Шутка?..

Юлия. Чья-то глупая, подлая,
жестокая шутка!.. Знают, что вы на
излечении и хотят навредить!.. Это
ваши враги, я уверена!.. Подлые и
низкие люди!..

Есенин. Почерк его... Такой не
подделать...

Юлия. Подделать всё можно! Это
во-первых. А во-вторых – а что

здесь, собственно, написано? «Я должен увидеть тебя»!.. Кого? Здесь про вас ничего не сказано! Даже если настоящая записка – это не к вам! К кому-то другому! Он при жизни ее написал, а вам сегодня передали!.. Ну? Ведь вы же понимаете в душе, что так всё и есть! Ведь вы же знаете, что ничего сверхъестественного не бывает!.. Ведь знаете же, верно?

Есенин. Знаю... Конечно...
Сверхъестественного не бывает. А уж естественного – и того меньше...

Юлия. Вы прямо как ребенок... Так я пойду?

Есенин. Записку!

Юлия. Что?

Есенин. Записку мне!..

Юлия. Может, не надо?.. Если она вас так волнует...

Есенин(кричит). Я кому сказал!..

Юлия. Ну хорошо, хорошо...

Возвращается, кладет записку перед ним на стол. Настойчиво глядя ему в глаза:

Это чья-то подлая шутка. Не обращайтесь на нее внимания! Забудьте о ней. Хорошо?..

Есенин. Идите, Юлия, идите...
Других успокаивайте.

Пауза

Она уходит. Он снова читает записку, рассматривает ее. Берет зажигалку, зажигает, подносит к записке, но зажечь не решается. Бросает зажигалку на стол.

Нет, не могу!.. Алеша... Алеша Ганин, чистая душа...

Встает, начинает ходить по палате.

Про себя: Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть...

Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть...

Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека...

Я три дня и три ночи блуждал по тропам,

В солонце рыл глазами удачу.

Ветер волосы мои, как солому,
трепал

И цепами дождя обмолачивал...

Стук в притолоку двери. Есенин
вздрагивает, напрягается.

Да!..

Входит профессор Бессонов.

Бессонов. Сергей Александрович,
добрый день!

Есенин. Здравствуйте, профессор...

Бессонов. Ну, как наши дела?

Есенин. Не знаю, как ваши,
профессор, а мои – великолепно.

Бессонов. Ну да... Ну да...

Есенин. Пора на выписку, Вы не
находите?

Бессонов. Всё будет... Всё придет
своим чередом...

Есенин. Когда?

Бессонов. Скоро... Скоро, Сергей
Александрович... Еще недельки три-
четыре... Кстати, вы нам сегодня
почитаете?

Есенин. Нет.

Бессонов. Что так? Вы же обещали!

Есенин. Я передумал.

Бессонов. Отчего же?

Есенин. Человека одного жду...

Бессонов. Какого?

Есенин. Старый приятель хочет зайти.

Бессонов. Да что вы? И кто же?

Есенин. Хороший человек.

Бессонов. Ну да, ну да... (Начинает ходить по палате.) Видите ли, Сергей Александрович, я думаю, что не стоит обращать внимание на какие-то странные совпадения...

Есенин. Вы о чем?

Бессонов. Записки могут быть самыми нелепыми. Но что такое записка? Бумага! А бумага, как вы знаете, всё стерпит...

Есенин. Вы о чем, профессор?..

Бессонов. Я о том, что, может быть, не стоит ждать этого старого приятеля?

Есенин. Я жду Петра Орешина. А вы про кого подумали?

Бессонов(смешавшись). А, Орешина... Это - пожалуйста... Это - всегда...

Пауза

Есенин(подойдя к Бессонову). А если бы Ганин пришел – вы бы его пустили?

Бессонов. А если бы Ганин пришел – не пустили бы!

Есенин. Каким же образом?

Бессонов. А укольчиком! Один снотворный укольчик – и никаких Ганиных, никаких Наполеонов и Македонских! Зато крепкий сон до утра!..

Есенин. Просто у вас всё, профессор...

Бессонов. Это у нас-то просто? Обижаете, Сергей Александрович!.. Мы имеем дело с самой таинственной областью – человеческой психикой...

Есенин. Вот именно! А методы

простые – таблетки, да укольчики!..

Бессонов. А вы знаете другие методы?

Молчание

И кто же такой был этот Ганин?

Есенин. Поэт.

Бессонов. Очевидно, малоизвестный?

Молчание

Может быть, у вас с ним были какие-то конфликты? Вас тревожит

чувство вины перед ним?..

Есенин. Да нет у меня никакой вины!.. Хотя...

Бессонов. Так что же?

Есенин. В одном я, конечно, виноват...

Бессонов. Ну-ну, поделитесь...

Есенин. Он уже умер, а я – живой...

Бессонов. В таком случае, все живые перед мертвыми виноваты... А вы уверены, что нам здесь легче, чем им там?

Есенин. Нет, не уверен. А это вы остроумно!..

Бессонов. То-то и оно... А может, все-таки выступите сегодня? Персонал и больные – все ждут... Да

и вам бы, мне кажется, не мешало отвлечься... Развеяться...

Есенин. Я не знаю. Вы только не давите на меня... пожалуйста.

Бессонов. Помилуй Бог!.. Вы же знаете, нам главный принцип – никакого насилия над больным!...

Из коридора раздаётся душераздирающий женский крик:

Алеша!.. Алешенька!.. Убили!..
Убейте и меня!.. Я не хочу, не хочу без него!.. Убейте, чем так жить!..
Сволочи, палачи, убейте всех!..

Юлия(вбегая). Федор Петрович! Каретниковой плохо!..

Бессонов. Слышу!.. Идемте!..
(Есенину.) Извините.

Юлия и Бессонов выходят. Крики в коридоре постепенно стихают. Есенин подходит к коридорной двери, слушает.

Есенин. Ну вот... Один укольчик - и никакого Алешеньки... А также - Наполеона, Ленина и Троцкого... И Есенина заодно... И тоже ведь Алешенька... Совпадение... Простое совпадение... Кругом одни совпадения...

Тихий стук в дверной косяк.

Войдите!..

Заглядывает молодая девушка. Это - Шура, младшая сестра Есенина.

Шура. Можно?

Есенин. Шуренок!.. Ну наконец-то!.. И еще стучится, как чужая!

Они обнимаются, он целует ее.

Ты что же меня забыла совсем?

Шура. Я не забыла, Сергуня!

Есенин. А почему так долго не была?

Шура. Разве долго? Всего два дня!

Есенин. Во-первых не два, а три, а во-вторых...

Он замолкает, задумавшись.

Шура. Что «во-вторых», Сережа?..

Есенин. Слушай, сестренка, тебя в последние дни никто обо мне не спрашивал?

Шура. Да меня всё время про тебя спрашивают! Каждый день и не по одному разу, особенно – девчонки в школе...

Есенин. Нет, я не про девчонок. А вот так, чтобы специально... Чтобы спрашивал, а сам – так внимательно

в глаза смотрел...

Шура. Не знаю... Вот разве вчера...
Странно как-то было...

Есенин. Кто? Где?

Шура. На улице возле подъезда. Я
за хлебом вышла, а тут он... «Вы
сестра Сергея Александровича?..»

Есенин. Какой из себя?

Шура. Неприметный такой...
Русый, скуластый...

Есенин. Молодой?

Шура. Нет!.. Лет тридцати уже... И
такой бледный... Прямо синий
какой-то...

Есенин. А он себя назвал?

Шура. Нет.

Есенин. И что ты ему сказала?

Шура. Ничего! Я даже не ответила! Я же помню, как ты меня учил... Я только шагу прибавила...

Есенин. А он?

Шура. А он за мной не пошел. Я потом обернулась – а его нет. Как сквозь землю провалился... Я даже удивилась...

Пауза

Есенин. Ладно. Подождем... Спой мне, Шура.

Шура. Я сегодня не в голосе...

Есенин. А ты потихоньку. Знаешь,

как бабушка пела?

Шура. Мне так не спеть.

Есенин. А ты попробуй.

Шура. А можно, я твоё спою? Я
вчера про клен выучила.

Есенин. Ну спой, если выучила.

Шура(собравшись). Клен ты мой
опавший, клен заледенелый,

Что стоишь нагнувшись под
метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?

Словно за деревню погулять ты
вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на
дорогу,

Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал
нестойкий,

Не дойду до дома с дружеской
попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну
приметил,

Распевал им песни под метель о
лете.

Сам себе казался я таким же
кленом,

Только не опавшим, а вовсю зеленым.

И утратив скромность, одуревши в доску,

Как жену чужую, обнимал березку.

Есенин. Запомни, сестра: девушка должна себя строго держать.

Шура. Ты про что?

Есенин. Будут говорить: нынче новое время, всё по-новому, – не верь. Время новое, а люди – те же. И всегда будут те же, во всякое время... Ну да ладно, ты у нас еще маленькая, не все поймешь... А ты главное, – запоминай, что я говорю. А поймешь потом... Как там

Катерина?

Шура. Ой, совсем забыла! Ведь они с Василием сегодня заявление на регистрацию подали!..

Есенин. Наконец-то... Ну вот, за одну сестру я буду спокоен. Наседкин – человек надежный... Теперь тебя осталось пристроить...

Шура. Я замуж не хочу! Ни за что не хочу!..

Есенин. Это почему же?

Шура. Так... Не хочу – и всё!..

Есенин. Нет, ты скажи. Мне интересно. Я должен знать.

Шура. А ты смеяться не будешь?

Есенин(серьезно). Обещаю. Разве я над тобой могу смеяться?..

Шура(после паузы). Я на всех смотрю – и все так плохо живут... Недружно, без любви... Ссорятся всё время, мучают друг друга... Я так не хочу!.. Мне кажется, лучше уж одной... Хоть не так больно...

Пауза

Есенин. Ну да, понимаю... Это моя жизнь непутевая тебя так напугала... Только... Ты, Шура, пока еще не всё видишь, не всё можешь понять... А между двух людей такие тайны скрыты... И столько радости порой, что никакие ссоры эту радость не перевесят... А бывает и так: чем больнее – тем счастья больше... Боль, конечно, есть во всякой жизни, но боли не надо бояться. Ты боли не бойся, Шура!..

Кто не боится боли – тот и радость знает... А без боли все равно не прожить.

Шура. А ты счастливый, брат?

Есенин. Конечно, Шуренок! Ведь я ничего не боюсь... Мне бы только этот месяц перетерпеть...

Из коридора появляется Юлия.

Юлия. Сергей Александрович, к вам посетители!

Есенин. Кто?

Юлия. Поэт Мариенгоф и его супруга.

Есенин. Что?.. Зачем это?.. Нет, я

не хочу!.. Юля, пожалуйста,
скажите, что ко мне нельзя!..
Нельзя!..

Юлия. Да ведь все знают, что
можно!.. Как же я скажу?

Есенин. Придумайте что-нибудь!
Скажите, что у меня процедура!..
Или внезапное ухудшение!.. Ну
пожалуйста!..

Юлия. Вы хоть бы раньше
предупредили!.. А теперь поздно!
Они уже идут...

Мариенгоф(в дверях). Они не
только идут, они уже пришли!

Пауза

Есенин. Вот и отлично. Пришли – значит заходите!

Входят Мариенгоф и Никритина.

Юлия(строго). Сергей Александрович, напоминаю: время свиданий ограничено!

Есенин. Хорошо, хорошо...

Юлия выходит.

Шура. Я, наверное, пойду?

Есенин. Нет, побудь еще. Ну, здравствуй, Анатолий.

Они пожимают друг другу руки.

(Никритиной.) Привет, Мартышан!

Никритина. Здравствуй, Сергей...
Ну как ты здесь?

Есенин. Хорошо. Можно сказать, отлично. Говорят, посвежел, пополнил... А что еще русскому поэту надо! Сон и кормежка – остальное у него и так есть. А вы там как?

Мариенгоф. Вот, живем... давно хотели тебя навестить, да Кирилка приболел...

Есенин. Как он, кстати? Растет?

Мариенгоф. Растет, да еще как!

Не по дням, а по часам...

Пауза

Есенин. Ну а что в театре, Аня?
Офелию дали играть?

Никритина. Дадут, Сережа,
обязательно дадут. Только не сразу,
как ты понимаешь... Сначала надо
мое терпение проверить...

Мариенгоф. Естественно! Ты
доживи хотя бы лет до сорока... Кто
ж тебе в двадцать пять лет Офелию
даст!..

Пауза

Есенин. Ну а как журнальные дела?

Мариенгоф. Набираем обороты. Пятый номер хочу сделать ударным. Всё лучшее, что есть в имажинизме. А главное – в ракурсе нового строительства! Созидательный образ, образ-созидание!.. Надо вырвать инициативу у футуристов! Поэтому собираю силы в кулак. Ну и, конечно, без тебя не обойдется! Вот, пришел просить новых стихов...

Есенин. Да полно тебе, Анатолий!.. Обошлись же без меня в четвертом номере! Я думаю, и теперь сможете...

Мариенгоф. Сережа, кто старое помянет... Это была ошибка, я же

признал и прощенья попросил!.. Ты – один из основателей имажинизма, это все знают... Как без тебя?

Есенин. Полно, полно, Толя... Имажинизм, футуризм, акмеизм... Мы же с тобой не на эстраде, не перед публикой... Что нам все эти термины? Чего они стоят? Помнишь Гамлета? Слова, слова, слова...

Мариенгоф. Ну так поэзия вся – слова!

Есенин. Нет!.. Вот на этом-то я с вам и разошелся!.. Поэзия – это не слова, Анатолий! Стихи – это боль! Это кровь! Это – рана открытая!..

Мариенгоф. Однако без игры искусство не существует!

Есенин. Вот все и заигрались, как я посмотрю... Игры-то много, а

искусство где?.. Вы и Блока оттого поносите, что для вас всё – игра! А Блок смертью своей доказал, что он – поэт, не вам... не нам с вами чета...

Пауза

Никритина. А ты, Шурочка, теперь в каком классе?

Шура. В девятом.

Никритина. Нравится тебе Москва?

Шура. Мне с Сергеем нравится по городу гулять. Он мне всё рассказывает. Я теперь много знаю...

Мариенгоф. А деревню свою ты забыла?

Шура. Нет, как можно... Там тятя с мамой, вся родня... Там летом привольно...

Никритина. А где тебе больше нравится – там или в Москве?

Шура. Как же можно сравнить? Здесь – легкая жизнь, а там... Нищета, голь перекатная, голод...

Пауза

Мариенгоф. Так что, Сережа? Может, все-таки, найдется для нашего журнала несколько стихотворений?

Есенин. Не знаю, не знаю... Ну как тут работать, посмотри сам!.. Палату дали просторную, с письменным столом, а двери в коридор нет! И даже не положено!.. Чувствуешь себя как подопытный кролик!.. И свет нельзя гасить всю ночь, чтобы тебя могли как таракана в витрине рассматривать...

Никритина. Но выглядишь ты неплохо...

Есенин. Это всё видимость!.. У них какая метода? Уколы да таблетки... А что в этих таблетках?.. Что в этих уколах?.. Не скажут, ни за что не скажут!.. А ты гадай, мучайся... Разве в такой обстановке работать можно? Так что - какие тут стихи? Никаких стихов, и даже не предвидится...

Мариенгоф. Так ты после «Черного человека» ничего не написал?

Есенин. Получается так. А кстати! Вот возьми-ка, да и напечатай «Черного человека»!.. А что? Хорошая идея, верно?..

Мариенгоф. Понимаешь... Я тебе уже говорил... Конечно, как набросок это неплохо... Но если говорить об образах...

Есенин. Да ладно тебе, Анатолий!.. Не мучайся, не ищи слова... Пошутил я. «Черного человека» я в другом месте напечатаю.

Пауза

Мариенгоф. Так, значит, нет стихов?

Есенин. Нет. А вот чаем напоить могу. Хотите чаю?

Мариенгоф. Нам пора, пожалуй...

Никритина. Да, у нас ведь ребенок... А нянька совсем старая...

Есенин. Понимаю.

Мариенгоф. Нет, мне все-таки жаль... А я надеялся... Я думал, что больше зла не удержишь... Ну вышла ошибка... Поставил я в Манифесте имажинистов свою фамилию первой.. Ну так ведь я всё это организовал! А ты, мне кажется... Ты всегда был немножко мнительный... Всегда видел какие-то происки каких-то врагов... А какие враги? Кому вообще поэты нужны?..

Никритина. Анатолий, зачем ты сейчас об этом?..

Мариенгоф(не слушая). В конце концов, история всех примирит!.. Есть Есенин, есть Мариенгоф, есть эпоха Есенина и Мариенгофа; у каждого своя роль в поэзии – и делить нам нечего!.. Что, славы, что ли, поделить не сможем? Так слава как девка уличная – на всех хватит!..

Есенин. Не в славе дело, Толя...

Мариенгоф. А в чем?.. Объясни ты мне, дураку! Ведь столько лет друзьями были, из одной миски суп хлебали!.. Что изменилось-то?..

Есенин. Игры кончились.

Мариенгоф. Какие игры?

Есенин. В поэзию игры. Скоро ни

имажинизма, ни футуризма – ничего не останется. А только так: кровь свою отдай – и иди... Всё будет одной только кровью меряться. А может, уже так и есть... А зла я не держу. Просто... дороги разошлись, сам видишь.

Мариенгоф. Давно ли?

Есенин. Давно.

Мариенгоф. А я и не заметил, честно говоря...

Есенин. В этом-то всё и дело.

Пауза

Мариенгоф. Ну, тогда бывай здоров... То есть, я хотел сказать,

выздоровливай поскорее.

Никритина. Приходи к нам на спектакль, Сережа.

Есенин. Надеюсь, в этот раз не мартышку играешь?

Никритина. Нет. Но и не Офелию.

Есенин. Кого же?

Никритина. Да так...
Среднестатистическую женщину.

Есенин. Таких не бывает, Аня.
Каждая девочка – принцесса.
Каждая женщина – королева.

Никритина. Ну уж!.. Все женщины
королевами не могут быть...
служанок на них не хватит!

Есенин. А я и не сказал: «все»! Я
сказал: «каждая»... Тут есть

разница, верно?

Пауза

Мариенгоф. Ладно, пойдем мы... А то, может, передумаешь... Тогда скажи.

Они пожимают друг другу руки.

Есенин. Спасибо, что навестили. Да, кстати!.. Ты не помнишь, Анатолий, у Алеши Ганина брата не было?

Мариенгоф. Кажется, был.

Есенин. А как звали?

Мариенгоф. Вот этого не знаю. А

что?

Есенин. Да нет, я так...
Вспомнилось вдруг отчего-то.

Мариенгоф. Жалко дурака...
Ввязался в историю...

Есенин. Если бы в историю, Толя!..
В политику. А это другой предмет...
Бывайте здоровы!..

Мариенгофы выходят.

Пауза

Шура. Сергей, а ты вправду стихи
писать перестал?

Есенин. Перестал писать? Не

дождутся... Ты мне вот что скажи:
повестки из милиции приходят?

Шура. Из милиции и из суда. Почти
каждый день. Сказали, что
прокурор не хочет дела закрывать.
Ждут, когда ты из больницы
выйдешь.

Есенин. Ничего, подождут.

Пауза

Шура. А ты смешной.

Есенин. Отчего?

Шура. Сказал, что никого не
боишься, а сам – Мариенгофа
испугался.

Есенин. Я не испугался...

Шура. Испугался, испугался, я же видела!..

Есенин. А может, и правда. Когда кого-то не очень любишь, каждая встреча – мученье... Ладно, Шура, тебе пора. Скажи, чтобы завтра Катерина пришла, она нужна мне.

Шура. А Соню позвать?

Есенин. Не надо... Потом... Еще раз прошу: будь осторожна.

Шура. Ты про что?

Есенин. Про всё. Ты – моя сестра, понимаешь?

Шура. А ты – мой брат! Это я понимаю!..

Есенин. Нет. Не понимаешь пока.

Ни с кем обо мне ни слова! Ни с кем, запомни это!.. Ты ничего не видела, ты ничего не знаешь!..

Шура. Я не понимаю, про что ты, Сережа?..

Есенин. Эх, да что тут непонятного!.. Охотятся за мной, сестренка...

Шура. Кто охотится?

Есенин. Если бы знать, кто... То-то и плохо, что не знаю... Одно знаю, что враги кругом. Затаились, ждут удобного случая... А кто? Если бы знать – хоть приготовиться можно было бы... Ладно, иди. И будь осторожна, будь осторожна... Будь осторожна...

Она собирается уходить.

Нет, погоди!.. Знаешь, лучше посиди пока... Так надежнее...

Шура. Сергуня, чего ты боишься?

Есенин. Я? Ничего. Я не боюсь... Я... Я оберегаюсь... И тебя оберегаю, пойми. Мне кажется, он где-то здесь может ходить, возле больницы...

Шура. Кто?

Есенин. Этот твой... Вчерашний. Еще напугает тебя...

Шура. Да я никого не боюсь!

Есенин. Потому что непуганая еще. А пуганная ворона - куста боится...

Пауза

Шура. Ну что мне, так и сидеть?

Есенин. И посиди! А куда это ты так спешишь?

Шура. Мне еще уроки к завтраму готовить...

Есенин. Успеешь.

Шура. Может, мне тогда хоть спеть?

Есенин. Ну спой...

Шура(поет). Вечерний звон,

Вечерний звон.

Как много дум

Наводит он...

Стук в дверь. Заглядывает Юлия.

Юлия. Сергей Александрович, к вам посетитель!..

Есенин. Кто?

Юлия. Женщина. Говорит, что ваша поклонница...

Есенин. Не надо!..

Юлия. Очень просит! Вот, даже записку написала...

Есенин. Не хочу!..

Юлия. Да вы хоть прочтите!.. Не захотите – не пустим!

Есенин. Ну что там?

Берет записку, читает.

Ох, хитрая!.. Знает, чем можно
взять Есенина...

Юлия. И чем же вас можно взять?

Есенин. Землячка... Из нашего
уезда. Ладно уж... Только
ненадолго.

Юлия. Поняла. (Выходит.)

Есенин. Ладно, теперь иди. Завтра
- Катерину ко мне.

Шура. Хорошо, Сергуня.

Есенин. И с оглядкой, с оглядкой
живи!..

Подходит к ней, берет за голову,

целует.

Шура выходит. Есенин подходит к зеркалу, поправляет прическу.

Без стука в дверном проеме появляется молодая женщина, входит в комнату. Она в строгом костюме, с короткой стрижкой.

Есенин ее не видит. Она внимательно оглядывает палату. Кашляет, привлекая внимание. Он оборачивается.

Есенин. А, землячка... (Идет к ней.)

Женщина. Добрый вечер, Сергей Александрович.

Есенин. Добрый вечер... Из каких же ты мест, землячка?

Женщина. Из тех самых, Сергей Александрович. Да вот мое удостоверение.

Она вытаскивает удостоверение и протягивает Есенину.

Есенин. Я не понял, однако...

Женщина. Что ж тут непонятного? Вы так глубоко спрятались, что приходится немножко маскироваться.

Есенин. Так вот какая тут поклонница...

Женщина. А вот это – правда! Я действительно поклонница вашей поэзии!

Есенин. Ну вот что, мадам...

Женщина. Товарищ Иванова.

Есенин. Ну вот что, товарищ Иванова! Как вам известно, я здесь нахожусь на излечении ввиду тяжелого нервного состояния...

Женщина. И даже известно, чье это решение.

Есенин. И чье же?

Женщина. Товарищей Троцкого и Дзержинского.

Есенин. Вы что, хотите сказать, что это они вас сюда сегодня прислали?

Женщина. Нет, этого я не говорю. У меня есть прямые начальники.

Есенин. А знаете, я вас, пожалуй, pošлю-ка отсюда вон!..

Женщина. А вы и вправду скандалист.

Есенин. И еще какой!..

Женщина. Только вот... Не в ваших это интересах. А в ваших интересах – вежливо ответить на несколько моих вопросов.

Пауза

Есенин. Вас как зовут?

Женщина. Можете звать меня Марьей Ивановной.

Есенин. Марья Ивановна Иванова? Понятно... А если б мужчина был – то Иван Иваныч?

Женщина. Возможно. Но это к делу не относится. Так будете отвечать на вопросы?

Есенин. О чем? Об инциденте в поезде? Я уже четыре раза отвечал.

Женщина. Оскорбление дипкурьера? Да нет, этим не я занимаюсь. Да и дело-то всё, на мой взгляд, из пальца высосано. То же мне, шишка – дипкурьер!.. Я бы это дело давно закрыла.

Есенин. Тогда о чем же наш разговор? Опять про антисемитский скандал в пивной? Так ведь уже два года прошло! А сколько было судов и пересудов!.. А сколько грязи на нас в газетах вылито!.. Один Сосновский ведрами дерьмо таскал!..

Женщина. «Дело четырех поэтов» не закрыто. Как, впрочем, и три

других дела на вас. По статьям, если не ошибаюсь, 88-й, 176-й, 219-й и 157-й Уголовного Кодекса.

Есенин. Какая память!..

Женщина. Профессиональная. А поскольку дела не закрыты – возможно, вам еще не раз придется давать показания. И то, что вас общественный писательский суд оправдал – ничего не значит. Это вы понимаете, я надеюсь?

Есенин. Это мы понимаем...

Женщина. Давайте так: спрашиваю – я, а вы отвечаете. Тогда и дело у нас быстрее пойдет. Договорились?

Молчание

Ну вот, вы уже и обиделись... Но ведь надо же ввести нашу беседу в какие-то рамки, верно?

Молчание

Ладно, перейдем к делу. Где вы были 7 февраля 1923 года?

Есенин. Что?.. О чем вы, Марья Ивановна товарищ Иванова?..

Женщина. Подсказываю: 3 февраля вы с Изадорой Дункан отбыли на пароходе из Нью-Йорка в Европу.

Есенин. Ну да, третьего... Стало быть, на пароходе и был.

Женщина. Кому вы писали письма с парохода?

Есенин. Письма? Не помню...
Многим, наверное...

Женщина. Нет, не многим.
Постарайтесь вспомнить...

Есенин. Мариенгофу? Орешину? А может быть, сестре Екатерине?..

Женщина. Ну хорошо... Тогда взгляните. Это случайно не ваше?

Она вытаскивает листок и подает ему.

Он берет, начинает читать про себя. По радио звучит его голос.

Голос: «Сандро, Сандро! Тоска смертная, невыносимая... Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это б...кое снисходительное отношение власть имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним... Теперь, когда от революции остались только хрен да трубка, когда жмут руки и лижут попы тем, кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что мы и были и будем той сволочью, на которую можно всех собак вешать... Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской. По-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-то ноябрь...»

Пауза

Женщина. Ну что, вспомнили, Сергей Александрович?

Есенин. Нет...

Женщина. Странно... Ваше письмо Кусикову Александру Борисовичу. Неужели не узнали?

Молчание

Да, забыла предупредить. Я здесь не для официального допроса. У нас просто беседа. Дружеская беседа. Поэтому ваши ответы ни в какой протокол не заносятся. Вы меня понимаете?

Есенин. Что вам нужно?

Женщина. Это вы писали?

Есенин. Возможно.

Женщина. Возможно или действительно?

Пауза

Есенин. Да. Это я писал.

Женщина. Спасибо. Я не сомневалась в вашем мужестве.

Есенин. Так что вам нужно?

Женщина. Благодарности.

Пауза

Есенин. Что?.. Простите, мне сейчас послышалось такое слово...

Женщина. Да, от вас ждут понимания и благодарности.

Есенин. Извините, я что-то ничего не понимаю... Не объясните ли?

Женщина. Для этого я сюда и послана. Только уж, пожалуйста, наберитесь терпения и не перебивайте, хорошо?

Молчание

Как известно, восемь лет назад в России произошла социальная революция...

Есенин. Да? Это для меня
новость!..

Женщина. Я просила не
перебивать!..

Молчание

Социальная революция – это не просто смена власти. Смена власти – мелочь, деталь. Революция – это слом всей жизни, сверху донизу! Это уничтожение целых классов! Это – стихия, мировой катаклизм, ураган, очищающий авгиевы конюшни! И тот, кто стоит на пути урагана, тот, кто не хочет двигаться вместе со всеми – тот будет сметен. И уже тысячи, сотни тысяч из тех, кто пытался сопротивляться – сметены! И еще миллионы ожидает

такая же участь, потому что наша революция – мировая...

Молчание

Но революция – это не только ураган. Это планомерная переделка отсталого сознания. Это создание нового, небывалого человека! Работа кропотливая, трудная, не на один год, а может быть – на десятилетия. И работа, как вы понимаете, бескомпромиссная. Либо человек меняет себя, свои убеждения – либо...

Есенин. Либо его убивают.

Женщина. Совершенно верно. Если враг не сдастся – его уничтожают, как сказал великий

классик. Причем, эта работа – с личностями, и классовая принадлежность здесь роли не играет. Рабочий, крестьянин, люмпен – разницы нет! Выступил против революции – уйди со сцены истории! Затаил внутри ненависть к новому строю – уйди со сцены!.. И так будет с каждым нашим врагом. И это – естественно...

Молчание

А теперь давайте с вами разберемся, что же это за человек такой – знаменитый российский поэт Сергей Есенин? Сразу хочу сказать: ваши скандалы и хулиганства нас абсолютно не волнуют. Так же как и ваши беспорядочные знакомства. Мы же

понимаем – богема... Нет, мы коснемся только политических настроений... Итак, дореволюционный период. Июль шестнадцатого года. Читает стихи императорской фамилии, в том числе – специально для них сочиненные. Как там у вас? «О, помолись, святая Магдалина, за их судьбу...» Хорошие, кстати, стихи, от души написаны... Февраль восемнадцатого. Записался в боевую эсеровскую дружину. Почему в эсеровскую, а не в большевистскую?

Есенин. Я тогда был женат на Зинаиде Райх...

Женщина. Двадцатый год. Вместе с братьями Кусиковыми впервые арестован сотрудниками ВЧК. Кстати, выпущен из заключения по ходатайству большевика Якова

Блюмкина... Двадцать первый год.
Выходит в свет драматическая
поэма «Пугачев»...

Есенин. Что?.. У нас уже и про
Пугачева писать запрещено?..

Женщина. Сергей Александрович,
что нам друг друга за нос водить?
Из вашего Пугачева антоновские
уши торчат! Пожалели бандитов,
восставших против советской
власти?..

Есенин. Разве они бандиты? Они –
крестьяне...

Женщина. Двадцать второй –
двадцать третий год. «Черный
человек» и «Страна негодяев».
Пессимизм, неверие в будущее... Но
это не все! Как там в «Стране
негодяев»?

«Пустая забава!

Одни разговоры!

Ну что же?

Ну что же мы взяли взамен?

Пришли те же жулики, те же воры

И законом революции

Всех взяли в плен!»

Кто жулики и воры, Сергей
Александрович! Ленин, Троцкий и
Дзержинский?

Есенин. Но это же не текст автора!
Это Номах говорит! А Номах –
бандит, анархист!..

Женщина. Ну да, автор спрятался
за героя... Этот прием нам

известен, Сергей Александрович...
Тоже как-никак в гимназиях
учились... Я уж не говорю про ваши
частные разговоры и письма. Я
думаю, вы их лучше меня знаете...
Вот и ответьте мне: так что же это
за человек – поэт Сергей Есенин?..
Вписывается он в новую жизнь или
нет? Хочет он менять свои
убеждения?..

Пауза

Есенин. В общем, кругом я перед
советской властью виноват...

Женщина. Да нет, вы меня совсем
не поняли... При чем здесь
«виноват», «не виноват»?.. Это всё
из области юридической... Вы –
враг, Сергей Александрович.

Давний и убежденный враг нового строя. И меняться, судя по всему, не собираетесь.

Долгая пауза

Есенин. Так что ж вы меня тогда... Не считаете со сцены истории?

Женщина. Замечательный вопрос! По логике революции – конечно, должны смести. И безо всякой жалости, потому что вреда от вас гораздо больше, чем пользы. Но... Вот тут кончается логика и начинается лирика... Все мы люди, ничто человеческое нам тоже не чуждо. И талант, что бы мы ни говорили, всегда трогает и удивляет. А у вас – громадный талант, Сергей Александрович...

Великий талант... Вы – гениальный поэт, Есенин!.. Ну да вы это и сами знаете... Жалко вас. Вернее, не вас как человека – людей-то у нас достаточно!.. Талант ваш жалко. Другого такого ведь нет... А потому – вам разрешили жить. Жить и даже писать стихи. Понимаете ли вы это? Разрешили!.. Кого-нибудь другого – за одно письмо, за одно слово к стенке ставят!.. А вам – за все ваши слова, все письма и разговоры – ничего!... Неужели вы этого не понимаете? Ведь вы же умный, тонкий человек!.. Неужели вы хоть раз этого не оценили?!

Пауза

Есенин. Что вы хотите от меня?..

Женщина. Я же сказала это сразу!
От вас ждут понимания и
благодарности!.. Да, вы находитесь
у нас на особом положении, вам
разрешается то, что никому не
позволено!.. Ну так цените же это!..

Есенин. Я ценю...

Женщина. Цените – а письма
такие пишете!.. А ворами и
жуликами нас называете!.. Но
будьте же, наконец, хоть немного
справедливы!.. Кому еще, кроме
вас, дана такая свобода?..

Есенин. А «Страну негодяев» из
Собрания сочинений опять сняли!

Женщина. Неужели мы будем
сейчас такие мелочи обсуждать?
Речь идет о вашем существовании!..
Вам жить позволяют!.. Жить!.. А вы
мне про «Страну негодяев»...

Пауза

Есенин. Так вас прислали договор со мной заключить?

Женщина. Опять вы не понимаете... Договоры будете с издательствами заключать. А я пришла напомнить вам, что мы-то вам – ничем не обязаны... Ничем.

Пауза

Есенин. Из милости, значит, меня держите?..

Молчание

Хорошо... Я это запомню...

Женщина. И еще вопрос. Вам Лев Давыдович предложил возглавить журнал крестьянских писателей. Вы почему отказались?

Есенин. Послушайте, Марья Ивановна... Речь идет о моем существовании. Неужели мы с вами будем сейчас такие мелочи обсуждать?..

Пауза

Женщина. Ну как хотите... Тогда – до свидания, Сергей

Александрович!..

Есенин. Лучше прощайте.

Женщина. Ну, это как получится...
(Идет к двери, останавливается.)
Сергей Александрович!..

Есенин. Что еще?

Женщина. Я понимаю, что звучит глупо... После всего... Но... Вы можете мне свою книжку подарить?

Пауза

Он несколько секунд смотрит на нее, потом идет к столу, выдвигает ящик, достает тонкую книжку.

И если бы еще...

Есенин. Что?

Женщина. Ваш автограф!.. Если, конечно, возможно...

Он достает ручку, пишет.
Протягивает ей книжку. Она
подходит, берет, читает.

«Не жалею, не зову, не плачу»...

Спасибо, Сергей Александрович.

Идет к двери.

Есенин. Погодите!..

Она останавливается.

Один вопрос... Если можно... За что Ганина расстреляли?

Пауза

Женщина. Вообще-то я не могу... Ну хорошо. За принадлежность к фашистской организации.

Есенин. Что?.. Алеша Ганин – фашист?.. Но это же – ложь!..

Женщина. Вы спросили – я ответила. И не пытайтесь узнать больше. В его деле и ваша фамилия встречается.

Уходит.

Есенин. Палачи... Алеша Ганин – фашист?.. А меня из милости держат... Как шута... Как шута... А я-то думал, что я – пророк...

В дверь из коридора заглядывает Каретникова, соседка по палате.

Каретникова. Товарищ Есенин, вы одни?

Есенин. Один...

Каретникова(быстро, лихорадочно). Знаете, у меня к вам

большая просьба... Моего сына, Алешеньку, ну вы знаете – они его расстреляли... Но я не про то!.. И я вовсе на них не обижаюсь!.. Я узнала – учеными уже ведутся работы по воскрешению... Начнут с мышей, как обычно, с крыс, но потом обязательно дойдут и до людей... В первую очередь, конечно, Ленина воскресят, других вождей... Но потом дойдет и до Алешеньки очередь!.. Ведь он еще почти не жил!.. Ему же всего семнадцать было... Представляете? Всего семнадцать лет!.. Но я не про то... Чтобы воскресить – нужно же тело... А вы, я знаю, бываете у Льва Давыдовича... И вы можете попросить... Мне надо, чтобы они мне тело отдали... Только тело, душу-то они все равно не смогут вернуть... А тело я буду хранить сколько потребуется... И когда ученые уже смогут воскрешать, то

Я... ТО Я... Я...

Застывает с отсутствующим видом.

Есенин. Софья Павловна...

Каретникова. Я о чем-то вам сейчас говорила?..

Есенин. Я, признаться, и не помню...

Каретникова. И я забыла... Такие лекарства дают, что начались какие-то провалы в памяти... У вас тоже?

Есенин. Да. И у меня тоже. Но ничего!.. Мы будем бороться с провалами!.. Садитесь сюда, Софья Павловна!.. Слушайте, я вам буду

читать стихи... Я их только раз в
жизни читал...

Он усаживает ее на диван.

Только бы вспомнить... Только бы
ничего не забыть...

(Читает.) В багровом зареве закат
шипуч и пенен,

Березки белые горят в
своих венцах.

Приветствует мой стих
младых царевен

И кротость юную в их
ласковых сердцах.

Где тени бледные и
горестные муки,

Они всем те, кто шел
страдать за нас,

Протягивают царственные
руки,

Благословляя их к
грядущей жизни час.

На ложе белом, в ярком
блеске света,

Рыдает тот, чью жизнь
хотят вернуть...

И вздрагивают стены
лазарета

От жалости, что им
сжимает грудь.

Всё ближе тянет их рукой
неодолимой

Туда, где скорбь кладет
печать на лбу.

О, помолись, святая
Магдалина,

За их судьбу...

Каретникова. Что это?.. Какие
хорошие стихи... Это ваше?

Есенин. Мое.

Каретникова. Это вы когда
написали?

Есенин. В июле шестнадцатого.

Каретникова. В июле

шестнадцатого... За два года до...
До их казни... Предсказали, да?...

Есенин. Получается, так...

Каретникова. Что ж... Если уж
наших царей убили, то нас-то с
вами...

Есенин. Нет, мы еще поборемся,
Софья Павловна!.. Нас голыми
руками не взять!..

Каретникова. Знаете, когда мой
Алеша был маленький, он тоже
любил так говорить... «Нас голыми
руками не взять»!.. И всегда вот так
ручонку в кулачек сожмет...

Есенин. Софья Павловна...

Каретникова. Да нет, я ничего...
Просто... Мне надо как-то понять,
зачем мне дальше жить... Для
чего... Для кого... Родители давно

умерли, мужа в гражданскую убили... У меня только один сын и был... Ради него я жила... Вот тут у меня загвоздка... Ведь человек же не может жить без смысла, верно?

Есенин. Верно.

Каретникова. Вот этот смысл-то я и потеряла...

Есенин. А вы возьмите себе ребенка на воспитание!.. Вон сколько у нас беспризорников! По одной Москве – тысячи...

Каретникова. Прямо с улицы?.. Боязно...

Есенин. Не хотите с улицы – возьмите из детдома!.. Вот уж в детдоме можно на любой вкус выбирать!.. Возьмите девочку – и воспитывать проще, и надежды больше, что она цела останется...

Девочек, все-таки, меньше сажают... И потом, девочка как-то ласковее...

Каретникова. Вы это всерьез говорите?

Есенин. Разве этим можно шутить?..

Пауза

Она встает с дивана, идет к выходу. У двери останавливается, оборачивается к нему.

Каретникова. Никто никого не заменит. Человек – это штучный товар. Мне не нужен чужой

ребенок. Мне нужен мой...

Входит Юлия.

Юлия. Больная Каретникова, разве так можно!.. Мы вас обыскались!..

Каретникова. Я все таблетки
выпила...

Юлия. А душ Шарко? Идемте, уже время!..

Каретникова. Уже время...
(Есенину). Спасибо за стихи...
(Уходит.)

Юлия. Вы ей стихи читали?..

Есенин. Так получилось... Жалко ее...

Юлия. А в вестибюле уже весь народ собрался. И больные, и персонал... Ждут вас!

Есенин. Знаете, Юля...

Юлия. Нет-нет-нет!.. Все равно теперь уже никто не разойдется!.. Ну хоть полчасика, хоть двадцать минут – что вам стоит?.. Ведь это для всех такая радость...

Есенин. Грустно мне сегодня...

Юлия. А нам?.. Вы думаете, нам весело?..

Есенин. Больно мне, Юля... Вот здесь...

Юлия. А нам разве не больно?.. Только мы-то свою боль не умеем выразить, а вы... А вы – поэт...

(Читает): Есть одна хорошая песня

у соловушки –

Песня панихидная по моей
головушке...

Идемте, Сергей Александрович!..
Идемте к людям. Пожалуйста...

Есенин. Ну хорошо... Идем.

Он снимает халат, бросает его на
диван, набрасывает на плечи
пиджак.

А что профессор скажет?

Юлия. Федор Петрович? Да он в
первом ряду сидит!..

Они выходят.

Картина вторая

Та же палата, два или три часа спустя. Видно, что уже поздно; горит только дежурный свет. На кресле в углу виден чей-то силуэт; а может быть – брошенное пальто.

Издали доносятся долгие аплодисменты, шум расходящихся людей. Этот шум приближается по коридору. Становятся слышны отдельные голоса.

- Спать, друзья, спать!.. Все расходимся по палатам!..
- Спасибо вам, Сергей

- Александрович!..
- Спасибо!..
 - Товарищи больные, дайте поэту отдохнуть!..
 - Покойной ночи!..

В дверях появляются Есенин и Юлия.

Юлия. Только сразу спать, Сергей Александрович!.. Сразу!..

Есенин. Хорошо, хорошо...

Юлия. Покойной вам ночи!..
Спасибо за всё!..

Есенин. И вам покойной ночи...

Юлия. Нет, я сегодня дежурю.
Если что – зовите!..

Есенин. Если что – позову...

Она уходит. Он устало снимает пиджак, подходит к дивану, бросает пиджак на диван.

Русь! чего же ты хочешь от меня?
какая непостижимая связь таится
между нами? Что глядишь ты так, и
зачем всё, что ни есть в тебе,
обратило на меня полные ожидания
очи?..

Ах, Николай Васильевич, откуда же
вы всё это знали?..

Он устало садится на диван,
откидывается на спинку, замирает.

Вновь мы слышим звуки только что
окончившегося вечера.

Голоса. Новое, Сергей
Александрович!.. Новое прочтите!..

Голос Есенина. Хорошо, вот
новое... (Читает.)

Цветы мне говорят – прощай,

Головками склоняясь ниже,

Что я навеки не увижу

Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!

Я видел их и видел землю,

И эту гробовую дрожь

Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг

Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо,

-

Я говорю на каждый миг,

Что все на свете повторимо.

Не все ль равно - придет другой,

Печаль ушедшего не сгложет,

Оставленной и дорогой

Пришедший лучше песню сложит.

И, песня внемля в тишине,

Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.

Аплодисменты, крики «Браво».

Голоса. «Исповедь хулигана»!..

Голос Есенина. Нет! Позвольте, я
раннее прочту...

Голоса. Конечно!.. Читайте, что
хотите!..

Голос Есенина. Гой ты, Русь, моя
родная,

Хаты - в ризах образа...

Не видать конца и края -

Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,

Я смотрю твои поля.

А у низеньких околиц

Звонко чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом

По церквам твой кроткий Спас.

И гудит за корогодом

На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке

На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Аплодисменты, шум.
Из угла негромкий голос читает.

Голос. Нивы сжаты, рощи голы,

От воды туман и сырость.

Колесом за сини горы

Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.

Ей сегодня примечталось,

Что совсем-совсем немного

Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам в чаще звонкой

Увидал вчера в тумане:

Рыжий месяц жеребенком

Запрягался в наши сани.

Моё любимое...

Есенин. Ганин? Алеша? Это ты?..

Ганин. Это я.

Есенин. Я знал, что ты придешь....
Как только записку твою получил –
так сразу поверил!.. Потому что ты
не можешь обмануть... Ты всегда
был честным. Чистым и честным...

Ганин. Спасибо тебе.

Есенин. Мне хочется тебя
увидеть... Можно, я включу свет?

Ганин. Лучше не надо... Лучше
тебе не видеть меня, Сережа...

Есенин. Пытали тебя, Алеша?

Ганин. Они всех пытаются... Всех и
всегда...

Есенин вскакивает, выходит на авансцену.

Есенин. Палачи, палачи... Ах, как бы я хотел всех их – одной веревкой!.. За вас, за братиков моих отомстить!.. За кронштадтских матросов!.. За крестьян антоновских, которых газом травили... Палачи, сволочи, негодяи!.. Страна негодяев!.. Сколько вас взяли, Алеша?

Ганин. Тринадцать человек.

Есенин. Братья Чекрыгины, Боря Глубоковский... Всех расстреляли?

Ганин. Шестерых... Остальные – на Соловках. Наверное, скоро придут к нам...

Есенин. За что они назвали вас фашистами?

Ганин. За то, что мы пожалели Россию. Пожалели свой народ...

Есенин. Ну да, конечно... Это теперь – самый большой грех. Но это же только начало... Ведь у них такие планы на весь мир!..

Ганин. Да, это только начало.

Есенин. Но как нам-то жить, Алеша?.. Где взять силы?.. Ведь это всё невыносимо, понимаешь?.. Ведь сердце же не каменное, не железное – как можно всё это перенести?.. Ты теперь знаешь больше меня, тебе теперь открыто – так скажи: как можно всё это вытерпеть?.. Каким терпением?..

Ганин. Как Господь терпел на Голгофе.

Есенин. На Голгофе?.. Ты сказал – на Голгофе?..

Ганин. Да...

Есенин. Так значит, это наша Голгофа?.. Значит, кончилась Россия?.. Значит, впереди только гибель?..

Ганин. Голгофа – не гибель... Голгофа – воскресение...

Пауза

Есенин. Как бы я хотел в это верить... Так верить, как в детстве... Я в детстве так хорошо верил... Так ясно и чисто, как только дети умеют верить... Но с годами всё как-то замутилось...

Забылось... И вера уже не та...
Скажи, Алеша, а там, у вас – всё так
и есть как учат?.. Как раньше
учили?..

Ганин. Об этом нельзя рассказать...
Здесь другие слова. И свет другой...
И любовь другая...

Пауза

Есенин. Да... Я понимаю... Я всегда
чувствовал это... Конечно, есть
тайны, которые открываются только
мертвым... раньше я не боялся
смерти, любил рассуждать о ней...
А теперь... Я видел столько
смертей... Умереть сегодня так
просто... Вот этого я боюсь, Алеша –
умереть просто... Случайно!..
Невзначай... А самое главное – я

хочу жить!.. Жить и писать стихи!..
Впрочем, это для меня одно и то же... У меня еще столько замыслов, Алеша...

Ганин. Не надо бояться смерти...

Есенин. Но ведь умирать - страшно?

Ганин. Господь поможет... Не надо бояться смерти...

Есенин. Легко тебе говорить!.. Вы уже перешли черту... Вы уже всё это пережили... А нам только предстоит... И как всё это будет?... Да, впрочем, о чем я?.. Я совсем не собираюсь умирать!.. Я еще буду бороться!.. Я еще покажу им, что такое русский поэт!.. А знаешь, Алеша, они все-таки меня боятся... То есть, не меня, конечно - что ят им!.. Нет, они боятся того, что народ меня любит... Мои стихи...

Вот этой любви народной они боятся... Это ведь удивительно! Они не боятся, когда люди их ненавидят, но боятся, когда люди любят друг друга... Ты понимаешь? Они радуются ненависти и боятся любви!.. Но ведь это же так и должно быть... Ведь они же пришли оттуда, где боятся любви... Алеша, вот ведь в чем дело!.. Алеша, ты слышишь меня?.. Алеша, Алеша!.. Алеша, где ты?..

Бросается к выключателю, включает свет в палате. Никого, пусто. Он один...

Ушел... Ну почему ты ушел так скоро... Я столько хотел тебе сказать... Стольким хотел поделиться...

Юлия(входя). Сергей Александрович, что случилось? Почему вы не спите?

Есенин. Не знаю... Не хочу...

Юлия. Дать снотворного?

Есенин. Не знаю... Не надо...

Юлия. Ложитесь... Пожалуйста, ложитесь!..

Есенин. Я на диване лягу...

Юлия. Хорошо, хорошо...

Укладывает его, достает плед, накрывает, садится рядом.

Есенин. Юля, спойте мне что-нибудь...

Юлия. Колыбельную?

Есенин. Колыбельную.. Мне только бабушка в детстве пела...

Юлия. Ну, слушайте...

(Поет): Не жалею, не зову, не плачу,

Все пройдет, как с белых
яблонь дым.

Увядания золотом
охваченный,

Я не буду больше молодым...

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца

Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! Ты все реже, реже

Расшевеливаешь пламень уст.

О моя утраченная свежесть,

Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,

Жизнь моя? иль ты приснилась
мне?

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,

Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.

Есенин прикрывает глаза рукой.
Его плечи вздрагивают.

Конец первого действия

Действие второе

Картина третья

Та же палата, несколько дней
спустя. За столом, обложенный
множеством бумаг, сидит Иван
Евдокимов, редактор Есенина в
Госиздате. Он что-то перебирает,
сортирует.

Есенин сидит поодаль и поет.

Есенин. Что-то солнушко не светит,

Над головушкой туман.

То ли пуля в сердце метит,

То ли близок трибунал.

Ой доля, недоля,

Глухая тюрьма.

Долина, осина,

Могила темна...

Эй, орава с пьяным гулом!

Комиссар, по грудям пли!

Чур, не ползать перед
дулом,

Не лизать у ног земли.

Евдокимов (тоже подпевает
припев). Ой доля, недоля,

Глухая
тюрьма.

Долина, осина,

Могила темна...

Есенин. На заре каркает ворона.

Коммунист, взводи курок!

В час последний похорона
Расстреляют под шумок.

Ой, доля, недоля,
Глухая тюрьма...

Пауза

Евдокимов. Ты знаешь, Сергей, хорошая это песня, но... Лучше бы ее забыть.

Есенин. Думаешь, я не понимаю, Евдокимыч! Сам хочу забыть, да не могу... Как вспомню об антоновцах – хоть плачь... Да и не только об антоновцах...

Евдокимов. Да ведь если обо всех помнить – никаких слез не хватит!.. А нам надо жить... И жить в этом

новом мире... А чтобы жить - надо что-то и забывать...

Есенин. А ты считаешь, мы своей памятью командуем? Ошибаешься, Евдокимыч... Это она нас ведет... Что такое человек, думал ты когда-нибудь?

Евдокимов. Разум... Воля...
Чувства, конечно...

Есенин. Человек - это его память. Потому что вся память - вот здесь хранится.

Показывает рукой на сердце.

Евдокимов. Но мы не можем жить только прошлым! Нам и о будущем думать надо!.. А будущее, все-таки,

светлее, как ни крути...

Есенин. Ты в это веришь?

Евдокимов. А ты разве нет? Что бы ни говорили, а главная кровь позади осталась. В революции и гражданской... Началось мирное строительство...

Есенин. А ты Ганина помнишь? Чекрыгиных братьев? Борю Глубоковского?..

Евдокимов. При чем здесь Ганин?.. Мы же с тобой в политику не лезем, правильно? И давай оставим эти разговоры...

Молчание

Ну что, приступаем к работе?

Есенин. Погоди, погоди,
Евдокимыч... Как же я мог забыть...
Ведь день рожденья!.. Юрке,
первенцу моему, сегодня
одиннадцать лет исполнилось!..
Слушай, я должен выйти!.. Я знаю
здесь магазинчик – там игрушки
тоже продают... Я куплю ему
подарок, а Шурка вечером
отнесет...

Евдокимов. Сергей, а как же
работа?.. Нам сегодня весь том надо
пройти!..

Есенин. Да я сейчас вернусь!.. Ты
подожди!.. Я же мигом!.. Тут из
ворот – буквально пять саженей!..
Мы сегодня всё закончим,
обязательно!... Только вот деньги...
(Достает бумажник, считает
деньги.) Ничего, должно хватить...
Ты, давай, посиди и подготовь
вопросы...

Евдокимов. Да они давно готовы!..
Я же с ними к тебе и пришел!

Есенин. Ничего, еще раз всё
проверь... А я сейчас, быстро...

Евдокимов. Но ты... Ты только за
игрушкой, верно?

Есенин. Верно, Евдокимыч, верно!..
Я же не могу своего старшего без
подарка оставить!.. Я мигом...
(Уходит.)

Пауза

Евдокимов перебирает листочки.

Входят Бессонов и Юлия.

Пауза

Бессонов. Простите?..

Евдокимов(встав). Евдокимов.
Редактор Сергея Александровича
по Госиздату. Вот, готовим
очередной том...

Бессонов. А где он сам?

Евдокимов. Вышел...

Бессонов. Вышел? Юлия!..

Юлия. Я не видела;.. Он, наверное,
по черной лестнице...

Евдокимов. Да он буквально на
десять минут!.. Ему игрушку надо
купить... У сына сегодня день
рождения...

Бессонов. Юлия, если что-то случится с больным...

Юлия. Да я побегу сейчас; я его найду... Я мигом приведу его, Федор Петрович!.. Я же знаю, где это!..

Бессонов. Идите скорей.

Юлия выходит.

Как идет работа?

Евдокимов. Пока – вот, видите... не шатко-не валко...

Бессонов. Вообще-то, ему напрягаться вредно...

Евдокимов. Да что вы!.. Тут никакого напряжения. Просто надо

отдельные вопросы снять... В рабочем порядке...

Бессонов. А что, «Страну негодяев» все-таки не печатаете?

Евдокимов. Кто вам сказал?

Бессонов. Сам Есенин.

Евдокимов. Это устаревшие данные. Поэма включена в третий том. Кой-какая редакция, конечно, потребуется. Не без этого...

Пауза

Бессонов. Не жалко вам Есенина править?

Евдокимов. А что такое?

Бессонов. Да ведь, как-никак – гений.

Евдокимов. Знаете, профессор, все эти разговоры насчет гениев... Это всё чем-то таким отдает... старорежимным. Сегодня к стихам другой подход.

Бессонов. И какой же?

Евдокимов. Слово должно вести вперед массы. Рисовать перспективу строительства.

Бессонов. А у Есенина это есть?

Евдокимов. Иногда есть. А иногда... надо редактировать.

Пауза

Бессонов. Знаете, у меня такое чувство, что от этой вашей редакции он и пьет...

Евдокимов. От моей?..

Бессонов. Я не про вас лично. Я - в общем...

Евдокимов. На вашем месте я бы не стал обобщать. И насчет редакции - вы бы поаккуратней, профессор. А то ведь - на кого попадете... Это я вам по-дружески...

Бессонов. За предупреждение спасибо. Но меняться мне поздно. Я ведь, как вы правильно заметили, старорежимный. А насчет Есенина... Я думаю, это не вы ему, а он вам нужен. А он-то и без вас может обойтись.

Евдокимов. Вот как! А если печатать не будут?

Бессонов. А печатать не будут – начнут от руки переписывать!

Евдокимов. Сомневаюсь!

Бессонов. А вы не сомневайтесь... товарищ редактор.

В коридоре слышен шум, голоса.

Входят Есенин и Юлия. В руках у Есенина – игрушка и букетик цветов. Он возбужден.

Есенин. Ну почему, почему я не могу выйти и купить игрушку сыну?.. Подарок в день рождения!.. Я же сказал, что всего на десять минут!.. Это что – преступление?.. Но ведь у нас здесь пока еще не тюрьма, я надеюсь?.. Или уже

тюрьма?.. А?..

Бессонов. Сергей Александрович, от вас пахнет спиртным.

Есенин. Что за ерунда?.. Каким еще спиртным?.. Откуда оно возьмется, спиртное?.. У меня и денег-то на него нет!..

Бессонов. Но ведь пахнет же!..

Есенин. Да что вы пристали ко мне?.. Ну пусть пахнет - и что?.. Кому от этого хуже?..

Бессонов. Вам, Сергей Александрович!.. Пить вам категорически нельзя!.. Спиртное несовместимо с вашими лекарствами!..

Есенин. Жить вообще вредно, профессор!.. А уж нынче-то - особенно!..

Бессонов. Вино вас губит, вы это прекрасно знаете!..

Есенин. Вино меня спасает!.. Да если б я не пил – как бы я пережил всё, что было, как?.. А вы знаете, что я видел в жизни?.. Если б я не пил – я бы давно повесился!..

Бессонов. Вы обещали не нарушать режим!

Есенин. Ну обещал!.. Ну нарушил!.. Ну расстреляйте меня за это!.. Расстреляйте!.. Вы же всех расстреливаете!..

Бессонов(повышая голос). Сергей Александрович!.. Я не палач. И я никого не расстреливаю! Я врач, который вас лечит!..

Пауза

Есенин. Извините... Простите меня, профессор... Вы меня лечите, конечно... Я вам очень благодарен... Извините, не удержался... Просто как-то тревожно на душе – вот и сорвался... А в целом – всё нормально, лечение идет мне на пользу, я чувствую себя значительно лучше...

Молчание

Вы меня только не выписывайте, профессор!.. Я хочу долечиться... Я больше не буду нарушать, слово даю!.. Честное слово!..

Бессонов. Я вам поверю. Только

прошу больше не подводить меня.

Есенин. Спасибо... Я не подведу... Немножко поработать сегодня нам можно?

Бессонов. Совсем немного!

Есенин. Хорошо... Как скажете... немного так немного...

Бессонов и Юлия идут к выходу.

Юля!..

Юлия. Да, Сергей Александрович?..

Есенин. Ганин больше не приходил?

Пауза

Бессонов и Юлия переглядываются, Бессонов чуть заметно кивает головой. Она выходит.

Бессонов. Ганин не приходил, Сергей Александрович. А почему он, все-таки, так вас занимает?..

Есенин. Алеша Ганин?.. Да это же мой самый близкий друг!.. Он, да еще Шура Ширяевец... Ширяевца тоже убили...

Евдокимов. Сергей, ну что ты такое говоришь?.. Ширяевец умер от менингита!.. Мы же его вместе хоронили на Ваганьковском!..

Есенин. Да! Конечно!.. От

менингита!.. Знаем мы этот менингит!.. Ширяевец умер от менингита, а царская семья – от скарлатины!.. А я, наверное, от насморка умру!..

Евдокимов. Сергей, о чем ты?..

Есенин. А что, ты думаешь, меня не убьют? И меня убьют, как всех!.. Они за мной давно охотятся!..

Евдокимов. Да кто «они», Сережа?..

Есенин. Кто «они»? А ты сам не понимаешь?.. Или вид делаешь, что не понимаешь?..

Бессонов. Сергей Александрович, вы обещали о Ганине рассказать...

Есенин. Ну да, Алеша Ганин... Мы с ним летом шестнадцатого познакомились... Вологодский

паренек – безобидный, кроткий...
Одна беда – честный уж очень...
Честный и правдивый... Он ведь у
меня дружкой был на венчании,
когда мы с Зинаидой венчались... Я
у него в деревне бывал, он у меня...
Когда я с Изадорой жил, мы на ее
деньги его книжку издали... Только,
пожалуйста, вы никому... Они обо
всем этом ничего не знают!.. А если
узнают – тут такое начнется...
Несдобровать мне тогда...

Евдокимов. Опять «они», Сережа?

Есенин. Молчи!.. И ты понимаешь,
и я понимаю!.. Нечего девочку из
себя строить...

Молчание

А еще Чекрыгины братья... Такие
ребята были... А какие стихи

Ванька Приблудный Коле
Чекрыгину посвятил!.. Слушайте!..

(Читает): Глупый, убитый,
замученный,

Вечно и всеми гоним, –

Долго ж ты был
неприрученным

К тяжким законам
земным.

Чувствами, разумом
спаяны

И, не стесняясь детей,

Весело, весело каины

Пели над смертью
твоей...

Жаль, что не скрылся на

дереве,

Жаль, что родился в
траве...

Перепел, серенький
перепел,

Вечная память тебе...

Вот как надо писать!... Кровью...
Молодец Ваня... Хорошие стихи...
Значит, и тебя убьют, Ваня... Всех
убьют...

Евдокимов. И меня?

Есенин. Тебя?.. Да нет... Кому ты
нужен, чинуша...

Входит Юлия со шприцем.

Юлия(подчеркнуто-жизнерадостным голосом). Сергей Александрович, по расписанию – укольчик!..

Есенин. По расписанию?

Юлия. По расписанию!.. Всё – только по расписанию!..

Есенин. Ну что ж... Значит, надо... Расписание я уважаю...

Снимает пиджак, задирает рукав рубашки. Она делает ему укол.

Юлия. Ну вот, теперь – совсем другое дело...

Бессонов. Так, пожалуйста, работайте, только недолго.

Есенин. Хорошо, хорошо... Спасибо, что не сердитесь...

Бессонов и Юлия уходят.

Пауза

Ну что там у нас, Евдокимыч? С чего начнем?

Евдокимов. Я, наверное, пойду...

Есенин. Как так? А работа?

Евдокимов. Ну какая может быть работа с чинушей... Я попрошу, чтобы тебе другого редактора

дали...

Есенин. Ты о чем, Евдокимыч?..
Какого редактора?.. Ты что,
обиделся, что ли?.. Да перестань!..
Ну прости меня, прости!.. Да я же
это не со зла!.. Просто ты мне под
руку попался!.. Да что мы, первый
день знакомы?..

Подходит к Евдокимову, обнимает
его.

Ну не сердись, прошу!.. Давай
работать... Я буду тише воды!.. Ты
же меня знаешь!..

Евдокимов. Ну хорошо. Давай
работать. Сначала по стихам...
«Пушкину». Помнишь?

Есенин. Конечно. (Читает.)

Мечтая о могучем даре

Того, кто русской стал судьбой,

Стою я на Тверском бульваре,

Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,

В легендах ставший как туман,

О Александр! Ты был повеса,

Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы

Не затемнили образ твой,

И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

Что ты тут собрался редактировать?

Евдокимов. Тут два момента...
Первое – про причастие. Ну к чему это? Зачем нам в «Пушкине» религиозная пропаганда?

Есенин. Так... А второй момент какой?

Евдокимов. «Обреченный на гоненье»... Какое гоненье, скажи?.. Кто тебя гонит?.. Да даже если бы что-то и было – зачем об этом в стихах?..

Есенин. Понял. Снимаем!

Евдокимов. Что снимаем?

Есенин. Стихотворение снимаем!
Ничего я здесь править не буду, ясно? Здесь каждое слово – бронзовое! Я стихи ради вас портить не собираюсь!..

Пауза

Евдокимов. Я вижу, сегодня ты не в духе. Наверное, надо в другой раз?..

Есенин. Как хочешь.

Евдокимов. Ладно. Тогда пойду.

Начинает собирать бумаги со стола.

Жаль только, что всё опять затягивается...

Молчание

Мы надеялись, что до Нового года
сдадим в типографию...

Молчание

Евдокимов уже собрал все бумаги и
сложил в портфель.

Ну так что, до встречи, Сергей?

Есенин. Как получится...

Евдокимов. Ты что же, не хочешь
издавать свои стихи?

Есенин. Жизнь покажет.

Евдокимов. Ну гляди... Бывай
здоров!

Уходит.

Пауза

Есенин(подойдя к двери). Юлия...
Юлия!..

Юлия(входя). Что, Сергей
Александрович?

Есенин. Юля, посидите со мной, а?

Юлия. Хорошо.

Они садятся.

Есенин. Ну вот... Вы это... Вы расскажите о себе?

Юлия. Да что вы!.. Обо мне - нечего рассказывать!..

Есенин. Как это - нечего?.. Вы замужем?

Юлия. Нет. Пока нет...

Есенин. А жених есть?

Юлия. Есть.

Есенин. А кто он?

Юлия. Это секрет. Пока секрет... Но он хороший. Самый лучший... Сергей Александрович!..

Есенин. Да?

Юлия. А можно вам один вопрос задать? Личный...

Есенин. Задайте.

Юлия. Только вы не обижайтесь...
А почему вас ваши женщины не навещают?

Есенин. Почему? Эх, Юля...
Потому что женщины – такие
существа... особые... Августу
Миклашевскую, например,
специально просил ко мне
приходить...

Юлия. Я ее ни разу не видела!

Есенин. А это потому, что она
боится с Галиной Бениславской
встретиться!..

Юлия. Но Бениславская тоже...

Есенин. А Бениславская – не хочет
встречаться с Толстой!..

Юлия. Но почему Софья

Андреевна?..

Есенин. А Софье я сам запретил приходить.

Юлия. Как же так? Ведь она - жена ваша...

Есенин. Не складывается у нас.

Юлия. Отчего? Я ее видела, она такая умная, спокойная...

Есенин. Может, я виноват... Только тяжело мне у них в доме. Там же везде - старик!..

Юлия. Какой старик?

Есенин. Дед, Лев Николаевич... На стенах - Старик, на столах - Старик... Кажется, на потолке - и то его портреты проглядывают!.. Да ладно, не хочу я об этом... Лучше вы мне скажите, сильно на меня

профессор рассердился?

Юлия. Он на вас не сердится. Он вас любит... Но вам надо всё же беречь себя!.. Надо силы свои беречь!.. Ведь ваш талант нам всем принадлежит, поймите вы это!..

Есенин. Бросьте, Юлия!.. Ничего я не стану беречь. Я ведь – Божья дудка!..

Юлия. Как это – Божья дудка?

Есенин. А так. Пою тем, что внутри есть. Чем меня Бог наполняет. А беречь ничего не собираюсь, потому что это всё... не мое. Знаете, желоба иногда бывают старые, ржавые, а вода по ним бежит – чистая как слеза... А можно вам еще вопрос?

Юлия. Конечно, Сергей Александрович!..

Есенин. Вы мне какой укол поставили? Снотворное?

Юлия. Ну Сергей Александрович...

Есенин. Вот еще конспиратор! Ладно, идите теперь. Сам вижу, что снотворное...

Юлия. Может приляжете на диван?

Есенин. Хорошо, хорошо... Идите, Юля.

Она выходит. Он, задумавшись, сидит на диване.

Да... А Софье я сам запретил приходить...

Картина четвертая

Под вечер того же дня. Есенин спит на диване.

В палату входят Юлия и следователь Иванова.

Юлия. Видите, он спит! Мы ему сильный укол сделали.

Иванова. Я подожду... Я не буду его будить! Но у меня к нему очень важное дело, очень!..

Юлия. Так все говорят...

Иванова. Но я – не «все», понимаете?

Юлия. И так тоже все говорят...

Иванова. Вас не переспоришь... Но ведь сейчас – приемное время? Часы для посещений? Ведь так?

Юлия. Да, но мы должны оберегать покой больных...

Иванова. Вы его и так хорошо оберегаете. Даже отлично! Ваша совесть может быть спокойна!.. Но у меня – не любовное дело, поверьте!.. Ну поверьте же мне!..

Пауза

Юлия. Ну хорошо... Тогда посидите вот здесь, возле стола... Да не за столом же!.. И пожалуйста, на столе ничего не трогайте! Сергей

Александрович очень не любит,
когда трогают его бумаги...

Иванова. Я обещаю вам, что ни к
чему не притронусь!..

Юлия. Я на вас надеюсь... Вас как
зовут?

Иванова. Мария... Маша.

Юлия. Я надеюсь, Маша!..

Иванова. Я вас не подведу.

Юлия выходит. Иванова некоторое
время сидит возле стола. Видно, что
ждать ей трудно. Она встает,
начинает ходить по палате.
Сначала медленно, потом
незаметно для себя всё быстрее.
Резко останавливается.

Господи, так с ума можно сойти...

Снова садится на стул, пристально смотрит на Есенина, как бы гипнотизируя его взглядом.

Он начинает ворочаться на диване.

Есенин. Евдокимыч... Евдокимыч, ты здесь?..

Он поднимается, садится на диване, озирается. Взгляд его встречается со взглядом Ивановой.

Он трясет головой.

Марья Ивановна?.. Товарищ
Иванова?.. Вы мне снитесь?..

Иванова. Ну наконец-то вы
проснулись!..

Есенин. А вы давно здесь?

Иванова. Целую вечность!.. Сергей
Александрович, придите в себя
поскорей – у меня мало времени!..

Есенин. Вообще-то я вас не звал!..
И я вас не задерживаю...

Иванова. Шутить некогда, Сергей
Александрович!.. Вы можете
сосредоточиться?

Есенин. Зачем? Опять допрос? У
меня больше нечего сказать!..

Иванова. Ну всё, я больше не
могу... Слушайте меня! Слушайте
меня!.. Вам надо немедленно уехать

из Москвы. Не позже, чем через два дня! Если вы не уедете – вас могут убить. Если вы не уедете – вас убьют.

Пауза

Видно, что он полностью пришел в себя.

Есенин. Кто вас послал?

Иванова. Я сама пришла. Если они узнают, что я у вас была – меня... В общем, не надо никому говорить!..

Есенин. Вы пришли не от них?

Иванова. От них я приходила в

прошлый раз...

Пауза

Есенин. Куда мне ехать?..

Иванова. Я не знаю, куда!.. Я знаю, что вам нельзя оставаться здесь!.. Езжайте к родным в Рязань, езжайте к друзьям каким-нибудь... К Чагину езжайте в Баку!.. Только уезжайте из Москвы!.. Немедленно, немедленно!.. Всё, я должна идти...

Есенин. Погодите!..

Иванова. Не держите меня... Пожалуйста!.. Я ведь тоже хочу жить!..

Есенин. Погодите же!.. Одна

минута... Если вы правда не от них...

Иванова. Я не от них!..

Есенин. Если вы правда не от них – я вам благодарен... И я ваш должник по гроб жизни...

Иванова. Не стотит!..

Есенин. Погодите!.. Но если это – ложь, провокация, тогда... Тогда я вас все равно найду... Я к вам и оттуда приду!.. Вы знаете, что мертвые могут приходить?.. Знаете, что они приходят?..

Иванова. Я знаю, знаю!.. Я уже шесть лет в ЧК... Я еще и не то знаю... Только я из-за вас сейчас своей жизнью рискую... Прощайте!

Идет к двери, останавливается,
возвращается.

Вы мне верите, Сергей?.. Верите?..

Есенин. Кажется, верю...

Иванова. Тогда спасайтесь! И
простите за прошлую встречу...

Уходит. Он ходит по палате.

Есенин. Но если это не
провокация... Если это не
провокация... Куда ехать?.. Кто
может помочь?.. До Баку далеко...
Снимут где-нибудь на станции... В
деревню?.. Так никто не защитит...
В Питер?.. В Питер... Может быть...

Там Устинов, там Ионов, там Эрлих... Можно пожаловаться Зиновьеву... Если, конечно, он сам усидит после пленума... Во всяком случае, здешние туда не приедут!.. Да, все правильно... В Питер... А ведь я так и знал, так и чувствовал!.. Мерзавцы... Нет, мы еще поборемся!.. Еще посмотрим, кто хитрей!.. А как же сестры?.. Ничего, заберу их к себе... Эрлих найдет квартиру, будем жить вместе... Детей только надо навестить перед отъездом...

Стук в дверной косяк.

Что?.. Кто там?..

Входит женщина. Это Анна Изряднова, первая гражданская жена Есенина.

Анна. Сергей, можно к тебе? Вот, пришла навестить...

Есенин. Что?.. Анна?.. Какими судьбами?..

Анна. Да ведь сегодня у Юры день рождения... Я тебе пирожков принесла...

Есенин. Правда?.. Спасибо... А я ведь помню, знаю!.. Да, одиннадцать лет... Целая жизнь пролетела... И даже не одна... Помню, как я тебя из родильного дома встречал...

Анна. Да, ты всё приготовил – печи натопил, обед сварил... Ты обо мне

тогда так заботился... И всё смотрел на маленького и говорил: «Теперь я отец... Надо же!.. Я отец...»

Есенин. Какие мы молодые были... Ты помнишь?

Анна. Я всё помню, Сережа...

Есенин. И я всё помню!.. Вот, я ведь подарок ему приготовил!..

Достает игрушку и показывает ей.

А это – тебе...

Берет букетик и протягивает.

Анна. Цветы?.. Странно как...
Спасибо!..

Есенин. Слушай, Аня, как хорошо,
что ты пришла... Это Бог тебя
послал, а то мне одному – не по
силам... Тут такое дело...

Анна. Что-то случилось, Сережа?

Есенин. Да, случилось... Я этого
давно ждал... В общем мне только
что сказали, что мне надо бежать
из Москвы. А если я не уеду – меня
убьют.

Анна. А кто сказал?

Есенин. Одна... Один человек... Он
из органов, поэтому знает.

Анна. А куда уезжать – она
сказала?

Есенин. Нет. Сказала, куда угодно

- только из Москвы...

Анна. Если б хотели в ловушку тебя заманить - она бы обязательно сказала, куда уезжать. А так... Как ты сам думаешь, это правда?

Есенин. Мне кажется, да. Уже столько моих друзей убили... Алеша Ганин, Шура Ширяевец, да всех, всех... Клюев Коля пока на свободе, но и его не печатают. Гонят отовсюду... Эти только процветают ныне, футуристы-имажинисты, а мы...

Анна. Только не будем впадать в панику. Тебя не так просто убить - тебя вся страна знает!.. Ты ведь у нас - первый поэт...

Есенин. Первый поэт у нас - Пушкин!..

Анна. Значит, ты второй...

Есенин. Дурочка... Ладно, говори, что делать?

Анна. Скажи, а эта дверь не закрывается?

Есенин. В коридор? Нет, конечно!.. Ты же видишь, там и двери-то никакой нет!.. Мы же здесь как лягушки подопытные!..

Анна. Да... Отсюда надо уходить. Сегодня же... Сможешь?

Есенин. Смогу. Знаешь, я подумал... Наверное, лучше в Питер...

Анна. Тогда надо собираться. Давай, я тебе помогу.

Есенин. Мне главное – бумаги... Ты посиди пока...

Он роется в бумагах, открывает ящики стола.

Анна. А ты знаешь, мы с Юрой недавно гуляли на бульваре и случайно с твоими познакомились – с Танюшкой и Костей... Юра их на санках катал, и вообще они подружились...

Есенин. Правда?.. А они с няней были?

Анна. С няней.

Есенин. Вам бы с Зинаидой подружиться... Она ведь хорошая... Душевная она... И вообще, она... Да что там!..

Анна. Жалко, что у вас не сложилось... Вы ведь венчаны...

Есенин. Что поделаешь... Ничего, с Мейрхольдом ей, наверное, лучше... Детей только жалко... Но я им помогаю, когда могу... Я и тебе буду помогать, Аня, обязательно!.. Ты меня прости...

Анна. Глупый... Мне от тебя ничего не нужно...

Есенин. Совсем ничего?..

Анна. Мне только нужно, чтобы ты был... И чтобы у тебя всё было хорошо.

Пауза

Есенин. Ты это от сердца говоришь?

Анна. Разве ты меня не знаешь?..

Есенин. Да я знаю... И верю...
Потому что... Ты одна меня любила,
Аня... Да нет, не так... И Зинаида
меня любила, конечно... А может, и
сейчас любит... И Изадора... Но
только ты одна меня жалела, Аня...
А иногда так нужно, чтобы тебя
просто пожалели... Поняли и
пожалели... И кому же еще жалеть,
как ни женщине!..

Анна. Неужели никто больше не
жалел?

Есенин. Да ведь у всех страсть... А
когда страсть – то уже ни себя, ни
других не жалеешь... Если тронуть
страсти в человеке...

Анна. ...То, конечно, правды не
найдешь... Хорошие стихи.

Есенин. А самое больное, что после

страсти – только пепелище
остается... А на пепелище жить не
станешь...

Пауза

Анна. Сережа, а за границу уехать
ты не думал?

Есенин. Как не думать!.. Думал – и
не раз...

Анна. И что надумал?

Есенин. Не смогу я там... Тошно
мне там... Полтора года – и то кое-
как вытерпел... Нет, мне на этих
полях придется умереть. В этой
земле лежать... По этому небу
стрижом летать...

Пауза

Он вдруг садится и задумывается.

Анна. Ты что, Сережа?

Есенин. Если б ты знала, как мне не хочется никуда бежать! Ведь я Москву люблю... И почему я должен бежать?.. Ведь я – на этой земле хозяин!.. Так почему не они от меня бегут, а я от них?..

Анна. Что же делать, Сережа?
Видишь, какая нам жизнь выпала...

Есенин. Слушай, Аня, а ведь ко мне Алеша Ганин приходил!

Анна. Как приходил? Наяву?

Есенин. Наяву, конечно!.. Он вон там сидел, в углу. Я с ним разговаривал...

Анна. О чем же вы говорили?

Есенин. Он сказал., что их обвинили, что они фашисты... Представляешь, Аня?.. Кому за Россию больно – тот у них и фашист!.. И еще он что-то сказал важное... погоди, дай вспомнить... Дай сосредоточиться... Да!.. Он сказал, что не надо бояться смерти... Что Господь помогает... И что там, у них – всё другое... Даже любовь другая!.. Представляешь?

Анна. Трудно это представить...

Есенин. Нет, а я понимаю, о чем он!.. Это значит, что там мы все будем друг друга любить как... Как

ты здесь меня любишь, Аня...
Бескорыстно.

Анна. Ну что ты!.. Не стою я таких слов...

Есенин. Слушай, ты подружись с Зинаидой, обязательно подружись...

Анна. Любишь ты ее?

Есенин. Не в этом дело... Просто жалко всех... И тебя, и ее..

Стук в дверь. На пороге –
Каретникова.

Каретникова. Сергей
Александрович, можно?

Есенин. Конечно, Софья

Павловна!.. Заходите.

Каретникова. Сергей Александрович, меня выписывают, я попрощаться пришла...

Есенин. Ну что ж... Доброго вам пути!..

Каретникова. А вам – поскорей выйти отсюда!..

Есенин. Спасибо...

Каретникова. Вы знаете, я всё думала над вашими словами... Вы правы, правы!.. Надо взять ребенка из детдома, конечно!.. Девочку... Потому что чужих детей не бывает – они все наши!.. И те, которые на улице – тоже наши!..

Есенин. Правда, правда!..

Каретникова. Значит, меня где-то

там моя дочка ждет... Был сынок, а теперь – дочка будет... Я как это решила – у меня сразу смысл появился... Потому что человек ведь живет для другого человека, верно?

Есенин. Верно, Софья Павловна... Мы все друг для друга живем...

Каретникова. Спасибо вам за все! ... И за стихи, которые мне читали... Только... Вы их больше никому не читайте... Знаете, время такое... Мне за вас тревожно. Вы... Вы поберегите себя, хорошо?

Есенин. Хорошо...

Каретникова. Ну.. Прощайте.

Уходит.

Пауза

Есенин. У нее сына расстреляли.
Семнадцать лет было мальчишке...

Молчание

Я раньше думал, в мире всё осмысленно... Каждая травинка не случайно растет, каждая мошка для чего-то рождается... Особенно в России... Потому что Россия ведь - не простая страна... Загадочная, сокровенная... Знаешь, когда моя вера пошатнулась? Когда я увидел, как просто, оказывается, убивать людей... И теперь я думаю: а может

и правда – всё случайно?..

Анна. Нет. Не случайно.

Есенин. Так ты веришь?

Анна. Верю...

Есенин. Хорошо... Хорошо, что ты веришь... Кто-то должен верить, чтобы мир стоял... Кто-то должен верить...

Пауза

Анна. Ты всё собрал, Сережа?

Есенин. Да-да... Я сейчас...

Достает чемодан, складывает

вперемешку бумаги и какие-то вещи.

Входят Бессонов и Юлия.

Бессонов. Ну, как наши дела,
Сергей Александрович?

Есенин. Как дела?..

мой,

Друг мой, друг

болен.

Я очень и очень

Сам не знаю,
откуда взялась эта боль.

То ли ветер

СВИСТИТ

Над пустым и
безлюдным полем,
То ль, как рощу
в сентябрь,
Осыпает мозги
алкоголь...

Примерно так, профессор...

Бессонов. Потому мы вас и
лечим... А что это за сборы?

Есенин. Ничего особенного!.. У
старшего сына сегодня день
рождения, хочу его навестить... Да,
кстати, познакомьтесь! Моя первая
жена Анна Романовна Изряднова.
Юрина мама...

Бессонов. А чемодан зачем?..
Рукописи зачем собираете?..

Есенин. Ну, это так... случайное

совпадение...

Пауза

Бессонов. Сергей Александрович...
Только сегодня вы обещали мне,
что больше ни разу не нарушите
распорядок!..

Есенин. Можно вас на минуту,
профессор?

Они выходят на авансцену.

Игры кончились, Федор Петрович.
Мне надо уходить.

Бессонов. Вам угрожают?

Есенин. Они не угрожают. Они всё
делают просто и тихо. Полчаса

назад меня предупредили – надо срочно уезжать из Москвы.

Бессонов. Но вы правда нездоровы...

Есенин. А вы возьмете на себя ответственность?

Бессонов. Хорошо, дадим вам лекарства с собой... Юлия!..

Юлия. Да, Федор Петрович!

Бессонов. Соберите Сергею Александровичу его лекарства. Хотя бы на неделю... Только быстрее.

Юлия. Я быстро!..

Выходит.

Есенин. Спасибо, профессор... Я знал, что вы не предадите...

Бессонов. Но я настаиваю: вы, действительно, не совсем здоровы... Это вы понимаете?

Есенин. Понимаю...

Бессонов. Анна Романовна, вы будете его сопровождать?

Изряднова. Да, мы вместе пойдём...

Бессонов. Я вас предупреждаю: куда бы он ни поехал – он не должен оставаться один!.. Рядом кто-то обязательно должен быть – друг, родственник... Это очень серьезно!..

Изряднова. Хорошо, профессор...

Входит Юлия.

Юлия. Вот лекарства!.. Я тут всё расписала, Сергей Александрович...

Отдает ему пакет, он передает его Изрядновой.

Есенин. Спасибо, спасибо... Ну что, Аня, пора?

В коридоре вдруг раздаётся песня.
То ли женский, то ли детский голос поет:

Ты жива еще, моя

старушка?

Жив и я. Привет тебе,
привет!

Пусть струится над твоей
избушкой

Тот вечерний несказанный
свет.

Пишут мне, что ты, тая
тревогу,

Загрустила шибко обо
мне,

Что ты часто ходишь на
дорогу

В старомодном ветхом
шушуне..

Голос постепенно стихает в глубине коридора.

Пауза

Бессонов. А знаете, я вам завидую. Мы все еще здесь, а вы – уже там...

Есенин. Где «там», профессор?

Бессонов. В вечности, Сережа...

Пауза

Есенин. Спасибо... Так мы пойдем?

Бессонов. С Богом...

Юлия. Берегите себя!..

Есенин разводит руками и ничего не отвечает. Они с Изрядновой берут какие-то вещи, идут к выходу.

Есенин(остановившись). До свиданья, друзья мои... Вот теперь и вы у меня в груди останетесь... Дурацкий характер: никого не могу забыть. А может и встретимся еще?..

Они уходят.

Пауза

Бессонов. Ну вот... Лучшая палата освободилась...

Юлия. Тревожно за него, Федор Петрович!..

Бессонов. Ничего... Он у нас сильный. Он всё преодолет, всех победит...

Юлия. Вы это знаете?

Бессонов. Конечно. Кто любит – всегда побеждает. Вот только неясно, какой ценой...

Из коридора снова раздаётся песня:

Я по-прежнему такой же нежный

И мечтаю только лишь о том,

Чтоб скорее от тоски мятежной

Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви

По-весеннему наш белый сад.

Только ты меня уж на рассвете

Не буди, как восемь лет назад...

Конец